

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**Христианская
добродетель смиление**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 2. С. 161-182.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Христіанская добродѣтель—смиреніе.

По поводу современной нравственной язвы, разъѣдающей человѣчество¹⁾.

ЧТО СКОРѢЕ всего и больше всего бросается въ глаза наблюдателю современной нравственной жизни отдельныхъ людей и цѣлыхъ народовъ? То, что и одни, и другіе, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своего большинства, всецѣло заражены эгоизмомъ, духомъ гордости,—то, что самолюбіе ихъ обыкновенно является главнѣйшимъ регуляторомъ нравственной ихъ жизни и весьма нерѣдко не знаетъ границъ. Гордость, духъ ея до такой степени пропиталъ собою большинство современныхъ людей, что эти послѣдніе оцѣниваютъ свои поступки лишь только съ одной эгоистической точки зрѣнія. При всей ея неестественности, такая точка зрѣнія, однако, признается этимъ сортомъ людей за единственную нормальную. Тояснимъ дѣло примѣромъ. Одинъ человѣкъ сказалъ по адресу другого слова, которое, при известномъ его толкованіи, оскорбляетъ честь послѣдняго. Если этотъ отвѣтилъ оскорбителю оскорблениемъ же, то мнѣніе массы лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, относится съ одобреніемъ къ подобному человѣку и съ тѣмъ бѣльгимъ нерѣдко, чѣмъ чувствительнѣе такого рода расплата. Такого человѣка, яко бы смывшаго позоръ со своего имени, называютъ героемъ... Но, если оскорбленный не обращаетъ вниманія на причиненное ему оскорблѣніе или потому, что не считаетъ этого оскорблѣнія за дѣйствительное оскорблѣніе,

¹⁾ Статья первая.

или потому, что отвѣтъ зломъ на зло считается нравственно дурнымъ или нецѣлесообразнымъ дѣломъ и проч., то его извѣстный классъ лицъ отнынѣ награждаетъ презрѣніемъ, какъ человѣка, который-де не имѣеть самолюбія и не желаетъ проучить обидчика... Сказанное какъ нельзя болѣе иллюстрируется современнымъ положеніемъ вопроса о дуэли. Не принимающій вызова на дуэль клеймится самымъ ужаснымъ образомъ, изгоняется изъ извѣстной среды и проч.; къ принимающему же вызовы относятся совсѣмъ иначе, гордятся имъ, хвалять его, какъ умѣющаго за себя постоять... Ужели все это и подобное ему—явленіе нормальное? Ни въ какомъ случаѣ. Слѣдовательно, и не христіанско? Да. Такое явленіе, столь рѣзко нынѣ бросающееся въ глаза, уже давнее; оно въ той или иной степени, въ томъ или иномъ видѣ было извѣстно еще со времени райскаго грѣхопаденія. Пожелавшій стать подобнымъ Богу первый человѣкъ проникся духомъ гордости, позабыть о томъ безконечномъ разстояніи, какое отдѣляло его отъ Творца, позабыть о своемъ ничтожествѣ, своей безусловной отъ Владыки зависимости. А между тѣмъ этого-то онъ и не долженъ былъ забывать ни на одну минуту. Въ его отношеніяхъ къ Создателю должно было заявлять о себѣ не какое-либо чувство со сколько-нибудь горделивымъ оттенкомъ, а только и только чувство смиренія, чувство сознанія своихъ недостатковъ, своей немощи и слабости, своей зависимости и т. д., тѣмъ болѣе осознательное, чѣмъ болѣе онъ сознавалъ безконечное величие, безконечная совершенства Божія. А разъ первый человѣкъ сошелъ съ правой стези, разъ онъ поддался духу гордости, оттолкнувъ духъ смиренія, онъ далѣе быстро и покатился по наклонной плоскости. Вся дальнѣйшая история невозрожденного человѣка какъ нельзя болѣе краснорѣчиво и постоянно объ этомъ свидѣтельствуетъ и учить. Всюду гордость, а не смиреніе. Да и какая для язычника могла быть рѣчь о послѣднемъ? Язычникъ рождался и выросталъ въ такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ, что смиреніе, какъ добродѣтель, для него являлось совершенно непонятнымъ, даже нельзімъ; для него, напротивъ, представлялось имѣющимъ смыслъ лишь противоположное положеніе вещей, какъ единственно только понятное. Не будемъ ужъ говорить о массѣ народа, неспособной освѣтить дѣло данными разума и жившей въ слѣпомъ подражаніи предкамъ, въ слѣпомъ повиновеніи своимъ вожакамъ всякаго рода. Даже и съ лучшою

частью язычества въ данномъ случаѣ дѣло обстояло не иначе. Для убѣжденія въ этомъ обратимъ вниманіе на наиболѣе культурные языческіе народы древности, т. е., на грековъ и римлянъ. Греки положили начало научной разработкѣ нравственныхъ вопросовъ. Ихъ примѣру затѣмъ послѣдовали римляне. Находимъ ли въ этическомъ міровоззрѣніи тѣхъ и другихъ что-либо подобное христіанскому учению о смиреніи, о смиренномудрії? Нѣтъ. Правда, у великихъ мыслителей древности, именно у электика Цицерона въ его «*De officiis*» и у стоика Сенеки въ его «*Lib. de brevitate vitae*», мы встрѣчаемся съ мыслями о «слабости и безсиліи человѣка»¹⁾, но все это далеко не похоже на христіанское учение о смиренномудріи. Древнему языческому міру не было известно даже и слово — *ταπεινοφροσύνη*, на новозавѣтномъ библейскомъ языкѣ означающее разсматриваемую нами добродѣтель. Это слово позднѣйшаго сравнительно происхожденія, «новозавѣтнаго»²⁾. Уже данное обстоятельство весьма краснорѣчиво: очевидно, съ наступленіемъ новозавѣтныхъ временъ возникло новое понятіе, для обозначенія котораго, какъ неизвѣстнаго прежнему времени, потребовалось и новое, дотолѣ также неизвѣстное, слово. Что же касается слова *ταπεινός*, которое вмѣстѣ съ *φρόνη* входитъ въ составъ сложнаго — *ταπεινοφροσύνη* и которое характерно для смысла послѣдняго, то оно, правда, весьма было извѣстно и у греческихъ писателей (у римскихъ ему соответствовало слово *humilis*), но смыслъ, съ какимъ у нихъ оно употреблялось, былъ совсѣмъ другой. Въ частности, оно употреблялось въ значеніяхъ: «низкий о мѣстѣ» (у «Эврипіда» и др.), «малодушный», «трусливый» (у «Эсхила» и др.), «низкаго званія, незначительный, бѣдный» (напр., уже у «Плутарха»...), « униженный», «угодливый» и т. п., «большею частію въ дурномъ смыслѣ». Тоже надлежитъ сказать и о значеніяхъ соотвѣтствующаго латинскаго слова: «*humilis*» (и «*humilitas*») (ср. употребленіе ихъ, напр., у Цицерона и друг.)³⁾. Въ

¹⁾ Bittner: „Lehrbuch d. katholischen Moralttheologie“ (Regensburg. 1855. S. 246).

²⁾ Ср. объ этомъ, напр., у Luthardt'a (*Kompendium d. theologischen Ethik*. 2 Aufl. Leipzig. 1898. S. 152), а также въ любомъ, сколько-нибудь обстоятельномъ, греческомъ словарѣ.

³⁾ См. обо всмѣть этомъ, напр., въ словаряхъ — Pape-Sengbusch'a, Вейсмана, Лебединскаго, Passow'a и др. См. также у Luthardt'a (op. cit. S. 152; у него же въ „Апологіи христіанства“; русск. изд.; перев. проф. А. П. Лопухина; Спб. 1892 г., стр. 916) и у друг.

смыслъ же, указывающемъ на то, что здѣсь рѣчь идетъ о *ταπεινός* — *humilis*, какъ человѣкъ добродѣтельномъ, данное прилагательное у греко-римскихъ до-христіанскихъ писателей не употребляется. Лишь только христіанство затѣмъ вдохнуло въ него совершенно новый, дотолѣ собственно неизвѣстный, смыслъ, ставящій это прилагательное въ контрастъ по отношенію къ *ὑβριστής* — *ὑβριστικός* — *ὑβριστος...* У классиковъ же понятію *ὑβρις* противополагалось понятіе *σωφροσύνη*¹⁾, а не *ταπεινοφροσύνη*. Для удостовѣренія въ этомъ можно отослать читателя, напр., къ «*Κύρου παιδεία*» Ксенофона («8, 4, 14») и проч. А *σωφροσύνη* и *ταπεινοφροσύնη* далеко не одно и тоже. Тогда какъ *ταπεινοφροσύνη* имѣеть въ виду,—что и увидимъ ниже,—не только самого человѣка, въ приложеніи къ которому о ней идетъ рѣчь, но и главнымъ образомъ Бога и въ извѣстномъ смыслѣ—другихъ людей, *σωφροσύνη*—только самого данного субъекта. Платонъ—греческій философъ, напр., опредѣляетъ *σωφροσύνην*, «какъ добродѣтель, состоящую въ господствованіи извѣстнаго человѣка надъ своими аффектами, страстями, въ подчиненіи желаній, бурныхъ чувствованій удовольствія и печали, какъ принадлежащихъ сравнительно низшей, худшей части души, разуму, какъ части души сравнительно лучшей: *σωφροσύνη*, короче, съ точки зрѣнія Платона, усматривается въ томъ, что человѣкъ можетъ управлять своими страстями и какъ-бы одерживать побѣду надъ самимъ собою»²⁾). Затѣмъ «Аристотель опредѣляетъ *σωφροσύνην* точно въ такомъ же смыслѣ, характеризуя ее, при томъ, также согласно съ Платономъ, какъ добродѣтель, присущую неразумной части души, въ этомъ случаѣ сказывающейся послушною части души разумной»³⁾). Если же грекъ имѣль въ виду нормировать «взаимоотношенія» одного человѣка къ другому, то въ этомъ случаѣ, съ его точки зрѣнія, надлежало выдвигать въ качествѣ «руководящаго» момента «*δικαιοσύνη*»⁴⁾), т. е., такую» добродѣтель, при наличности которой каждому воздается то, на что послѣдній имѣеть право по тѣмъ или другимъ основаніямъ. Напр., «справедливостью», съ точки

¹⁾ См. у Luthardt'a въ цитов. „Kompendium“ ѿ S. 152. Чит. у Rabe-Sengbusch'a и друг.

²⁾ См. *наше* изслѣдованіе: „Аристотель и Фома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“ (Спб. 1884); стрн. 218—219.

³⁾ Ibid., стр. 219.

⁴⁾ У Luthardt'a цитов. „Kompend.“ S. 152.

зрѣнія Аристотеля, «называется вообще навыкъ, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ съ твердымъ намѣреніемъ по своему внутреннему настроенію, по своему выбору пропорціонально (ни много, ни мало, словомъ—должнымъ образомъ) распредѣляеть что-бы-то ни было или между собою и другими людьми, или же между послѣдними только въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу»... ¹⁾ А если мы присмотримся къ отдѣльнымъ добродѣтелямъ, особенно рекомендуемъмъ древнею греко-римскою философскою этикою, то увидимъ, что, съ точки зреинія послѣдней, всего скорѣе могло быть понятно не смиренномудріе, какъ похвальное качество, а гордость и подобная ей обнаруженія. За примѣрами ходить не далеко. Что мы видимъ въ этикѣ величайшаго изъ греческихъ философовъ, завершителя, такъ сказать, греческой философіи, т. е., Аристотеля? А то, что въ ней «не нашли себѣ мѣста, между тѣмъ, высоко цѣнимыя нами, добродѣтели: смиреніе, покорность, терпѣніе, надежда, благочестіе, покаянное настроеніе, благодарность..., а особенно любовь» и проч. ²⁾. Всѣ эти добродѣтели не могли представляться именно добродѣтелями духу Аристотеля, настроенному совсѣмъ иначе, нежели какъ смотримъ на дѣло мы и наше время ³⁾. За-то одною изъ наиболѣе блестящихъ добродѣтелей представлялась ему такъ называемая имъ добродѣтель *μεγαλοφуχіа* — «великодушіе». Эту добродѣтель характеризуетъ древне-греческій моралистъ съ особенною любовію. «Великодушный», по представленію Аристотеля, «тотъ, кто законно претендуетъ на оказываніе ему со стороны уважаемыхъ людей того, что мыываемъ богамъ, что составляетъ объектъ лучшихъ желаній всѣхъ лучшихъ людей на самыхъ высокихъ положеніяхъ ихъ въ жизни..., т. е., преимущественно высокихъ почестей»... ⁴⁾ «Почести, оказываемыя кѣмъ-либо великодушному, послѣдній вообще охотно принимаетъ, сознавая, что онъ имѣеть на нихъ законное право, въ тоже время оставаясь совершенно хладнокровнымъ къ почестямъ, оказывающимъ ему или за маловажные поступки, или не пользующимися общимъ уваженіемъ людьми» ⁵⁾. «Скромный» и «ве-

¹⁾ См. цитов. *наше изслѣд.*, стрн. 164.

²⁾ Ibid., стр. 557.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., стр. 154.

⁵⁾ Ibid., стр. 155.

лиководушный» не похожи другъ на друга ¹⁾). «Велиководушный, забывая объ оказываемыхъ *ему* благодѣяніяхъ, однажды, всегда помнить объ оказываемыхъ кому либо *имъ* благодѣяніяхъ»...²⁾) Все это—очень характерныя черты, совсѣмъ не подходящія къ тѣмъ, какими мы обыкновено рисуемъ добродѣтельного человѣка, и, однако, по Аристотелю, велиководушіе не только добродѣтель, но даже «вѣнецъ, украшающій добродѣтели...³⁾) Затѣмъ, если мы заглянемъ въ нравственную философию стоиковъ, которымъ принадлежитъ послѣднее слово, до какого только могъ додуматься естественный языческій умъ при решеніи нравственныхъ вопросовъ,—тоувидимъ, что положеніе дѣла, намѣченное Аристотелемъ, не измѣнилось къ лучшему (т. е., если понимать послѣднее въ христіанскомъ смыслѣ),—скорѣе—наоборотъ: измѣнилось къ худшему. Образцомъ нравственного поступанія для стоика, какъ извѣстно, служитъ «мудрецъ». Чѣмъ болѣе кто воплощаетъ въ себѣ свойства и качества послѣдняго, тѣмъ,—по стоическому пониманію дѣла,—болѣе и болѣе такой человѣкъ является нравственно-добрый, нравственно-совершенный. А что такое этотъ «стоический мудрецъ»? Это—воплощеніе гордости и самомнѣнія. Рѣчь о какой либо долѣ смиренія въ отношеніи къ нему была бы полнѣйшею нелѣпостью. «Въ своемъ совершенствѣ и счастіи мудрецъ не уступаетъ божеству, даже превосходитъ его. Юпитеру принадлежитъ мудрость по существу его природы, а мудрецъ пріобрѣтаетъ ее собственными усилиями. Юпитеръ не имѣть нужды чѣмъ либо пользоваться, а мудрый не желаетъ. Великое дѣло—имѣть слабость человѣка и невозмутимое блаженство божества. Богъ и мудрецъ отличаются только продолжительностью существованія. Но мудрый не ставить себя въ униженное положеніе отъ того, что его добродѣтель ограничивается болѣе краткимъ протяженіемъ времени. Какъ изъ двухъ мудрыхъ тотъ, кто отошелъ въ вѣчность въ болѣе преклонномъ возрастѣ, не блаженіе того, доблесть котораго заключена въ пространствѣ немногихъ лѣтъ, такъ Богъ не превосходить мудраго въ блаженствѣ, хотя превосходитъ его безконечно продолжительностью этого блаженства»... (чит. въ письм. у

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid., стр. 156.

³⁾ Ibid. стр. 155.

Сенеки и др.)¹⁾. Таково стоическое учение о мудрецѣ. Оно, какъ видимъ, въ отношеніи къ рассматриваемому нами вопросу настолько характерно, что въ какихъ либо съ нашей стороны комментаріяхъ не нуждается никакъ. Итакъ, довольно обѣ языческомъ представленіи интересующаго насъ дѣла! Если оно только что указаннымъ образомъ представляется корифеями языческой философіи, то обѣ остальной части языческаго до-христіанскаго міра нечего и говорить. И вообще естественный умъ, себѣ самому только предоставленный, не вступающій въ соприкосновеніе съ божественнымъ Откровеніемъ, безсиленъ стать на сколько-нибудь устойчивую и на правильную точку зренія на дѣло²⁾. Если, оставивъ древнія времена, обратимся къ новымъ, то убѣдимся въ этой истинѣ съ несомнѣнностю. «Гдѣ», спрашиваетъ одинъ нѣмецкій апологетъ христіанства (Albert Maria Weiss), «мы могли бы «отыскать... философа, который» вздумалъ бы сказать хоть «одно слово въ пользу смиренія? Противоположнаго склада мыслей люди встрѣчаются, конечно, сплошь и рядомъ. Спиноза, напр. (изъ XVII в.), спокойно заявляетъ, что «смиреніе не только не добродѣтель, но даже противорѣчіе разуму (Ethica, 4, prop. 53)»³⁾. «Нѣмецкій поэтъ»—Генрихъ Гейне († 1856 г.⁴⁾) не могъ иначе отозваться о смиреніи, какъ только о «собачьей добродѣти»⁵⁾. Не ха-

¹⁾ „Мораль стоицизма и христіанское нравоученіе“ И. Невзорова (Казань. 1892 г.), стр. 65—66. Срав. и у другихъ изслѣдователей (Вопѣрѣа, Suckea, Говорова и проч.).

²⁾ „Среди великихъ умовъ классическаго міра всего ближе подошелъ къ истинной идеѣ смиренія“ только „Софокль“, да и то, какъ вся кому, изучавшему его извѣстно, лишь въ условномъ и ограничительномъ смыслѣ (Herzog: „Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche“... Bd. III, Leipz., 1878, S. 539). О Шлатонѣ, Плутархѣ и др. чит. у Zöckler'a (Krit. Gesch. d. Askese“. 1863. S. 380). Чит. съ особенн. интересомъ книгу: Is. Watts: „Die Demuth nach den vornehmsten Quellen und verschiedenen Vortheilen derselben, am Beispiel und Character des Apst. Paulus. A. d. Engl. v. Reinhard. Braunschweig. 1749“ (см. у Zöckler'a: S. 380).

³⁾ „Apologie des Christenthums“. Von Albert Maria Weiss. Fünfter Band: „Die Philosophie der Vollkommenheit“. Freiburg im Breisgau. 1898. S. 401.

⁴⁾ Энциклоп. Слов. Брокгауза—Ефона: XV полуэт. 1892 г. Спб., стр. 256.

⁵⁾ „Апология христіанства“ Лютера; русск. изд. (въ пер. проф. А. П. Лопухина). Спб. 1892 г. стр. 916.

рактерно ли?! Даже слишкомъ. Послѣдовательное и «серьезное проведение» смиренія «въ жизни», по мнѣнію Вейсса, просто таки невозможно. всякая подобного рода попытка привлекла бы за собою по адресу ея автора «презрѣніе» и «насмѣшку» со стороны окружающихъ. Между тѣмъ, говорить онъ, «защищать гордость не стыдится»... ¹⁾ Наконецъ,—ужь разъ заговорили о мыслителяхъ, отрицательно относящихся къ вопросу о значеніи смиренія, какъ добродѣтели,—считаемъ необходимымъ отмѣтить самоновѣйшее воззрѣніе сумасшедшаго потомъ философа Фридриха Нитцше, взглѣды кото-раго,—какъ известно,—къ удивленію, пользуются значитель-ною популярностію. Образомъ нравственного поступанія и настроенія, по Нитцше, служить человѣкъ съ «аристократической душой», «аристократъ». Рисуя его внутренній обликъ, Нитцше отмѣчаетъ слѣдующія «характерныя черты», по ко-торымъ можно узнать «аристократа»: «гордость..., самоувѣ-ренность»... Аристократъ отдѣленъ отъ «толпы» непроходи-мою бездною. Для него «самоотреченіе и скромное отстраненіе себя было бы не добродѣтелью, а скорѣе—растратой добро-дѣтели»... ²⁾ Вотъ до чего додумался въ наши дни мысли-тель, называвшій себя «антихристомъ» и пользовавшійся исключительно данными своего естественнаго только ума, пока этотъ послѣдній совсѣмъ не отказался служить ему!.. Въ виду всего сказаннаго нами выше касательно языческаго и вообще естественнаго только образа мыслей по вопросу о смиреніи (и гордости), для насъ вполнѣ понятными становятся слова блаж. Августина: ...«*aqua humilationis cordis... in nullis alienigenarum libris est, non in Epicureis, non in Stoicis, non in Platonicis. Ubi cunque... inveniuntur optima praecepta morum et disciplinae: humilitas tamen ista non invenitur; — a Jesu Christo venit»...* ³⁾), т. е., «воды смиренія сердца... нѣть ни въ какихъ иноземныхъ» (=внѣхристіанскихъ) «книгахъ: ни въ эпикурейскихъ, ни въ стоическихъ, ни въ платоновскихъ. Бездѣ... имѣются на лицо превосходныя правила нравовъ и ученія,—однако, этого смиренія» (т. е., рѣчи о немъ) «на лицо нѣть; оно пришло отъ Иисуса Христа»... Почему же

¹⁾ Weiss: op. cit., S. 401.

²⁾ „Фридрихъ Нитцше“... проф. Риля; русск. изд., Спб. 1898 г., стр. 114. 115. 118 и друг.

³⁾ „*S. August. enarratio II in Psalm. XXXI, 18*“ (см. цитат. у Bittner'a: op. cit. S. 246, Anmerk. 2).

это такъ? Въ какомъ смыслѣ съ пришествиемъ на землю Сына Божія измѣнилось дѣло? Что новое возымѣло силу и сдѣлало вполнѣ возможнымъ не только рѣчь о смиреніи, какъ добродѣтели вообще, но именно какъ о добродѣтели важнѣйшей, какъ увидимъ ниже, между всѣми христіанскими добродѣтелями, какъ добродѣтели специально христіанской, рѣзко обособляющей христіанина отъ не-христіанина?

II. На всѣ эти и подобные имъ вопросы можетъ быть данъ короткій и опредѣленный отвѣтъ: только христіанинъ, потому что онъ—христіанинъ, имѣть вполнѣ правильное представлѣніе о Богѣ, Его отношеніи къ миру вообще и къ человѣку въ частности, Его значеніи для первого и второго..., съ одной стороны; о себѣ самомъ, своихъ недостаткахъ, немощахъ, своемъ достоинствѣ сравнительно съ достоинствомъ прочихъ людей и т. под., съ другой стороны; и только онъ одинъ, зная все это, и можетъ воспитывать въ себѣ чувство истиннаго смиренія, въ которомъ иной—горде-ливый—моментъ не имѣть уже рѣшительно никакого мѣста. Только это чувство смиренія, какъ увидимъ ниже, и можетъ надлежащимъ образомъ направлять нравственную жизнь человѣка, давать ей надлежащую окраску.

III. Христіанину извѣстно, что Богъ «единъ по существу и троиченъ въ лицахъ», что Онъ безконечно «возвышенъ» надъ всѣмъ міромъ, что Онъ—Существо личное, «духовное, вѣчное, всеблагое, всевѣдущее, всеправедное, всемогущее, вездѣсущее, неизмѣняемое, вседовольное, всеблаженное»...¹⁾ Обладающее такими свойствами Божество сотворило міръ и въ частности человѣка, надѣливъ послѣдняго, при этомъ, высокимъ качествомъ: образомъ Божіимъ, т. е., «невещественною душою», «разумною», «свободною», «бессмертною»,—«царственою властію надъ всѣми земнородными»...²⁾ Богато одаренный Богомъ первозданный человѣкъ, затѣмъ, былъ введенъ *въ рай сладости* (Быт. II, 15), гдѣ и могъ бы вѣчно блаженствовать, еслибы не поддался увѣщаніямъ діавольскимъ и не согрѣшилъ (III). Но и согрѣшившаго, изгоняемаго изъ райскаго жилища Богъ, какъ всеблагій, не оставляетъ безъ утѣшения, а даетъ ему обѣтованіе о будущемъ Спасителѣ че-

¹⁾ См. обѣ этомъ, напр., въ любомъ опыте Догматического Богословія, въ Катехизисахъ и проч.

²⁾ См. *ibid.*; напр., въ „Руков. къ изуч. христ., правосл.-догматич. Богословія“ м. Макарія. Москва. 1888, стр. 108.

ловечества (III, 15). Это обещование, всегда согревавшее душу падшаго человѣка, всегда напоминавшее ему, что его печальное положеніе не вѣчно, что въ будущемъ имѣть наступить новая пора, многократно и различно повторялось людямъ устами Божіихъ пророковъ на протяженіи всего ветхозавѣтнаго періода. Наконецъ, въ предопределеннное отъ вѣка Богомъ время сошелъ съ неба и вочеловѣчился ради спасенія людей Самъ Богъ-Слово. Своимъ божественнымъ ученіемъ и примѣромъ Своей чистѣйшей жизни Онъ просвѣтилъ человѣчество, показалъ человѣку, какъ ему надлежитъ впредь жить, чтобы эта жизнь была нормальна. А своими страданіями, крестною смертю Воскресшій и Вознесшій спасъ человѣка отъ грѣха и его послѣдствій—проклятія и смерти. Необходимыя силы, необходимую помошь для чисто-нравственной и богоугодной жизни человѣкъ получаетъ отъ ниспосыпаемой свыше божественной благодати. Для того, чтобы онъ тверже шелъ по пути истины и правды, онъ служитъ предметомъ непрерывнаго промыслительного покаченія Божія, именно не только всѣ люди вообще, но и каждый человѣкъ въ частности; около каждого находится приставленный къ нему свыше Ангель-хранитель и проч. и проч. ¹⁾.

Таково въ общемъ представление человѣка-христіанина о Богѣ и Его отношеніи къ миру и человѣку. Если, какъ отсюда видно, человѣкъ, по откровенному ученію, всѣмъ обязанъ всеблагому Богу,— если онъ, какъ и вся вселенная, созданный Владыкою «всяческихъ», безъ Бога погибъ бы послѣ своего появленія на свѣтъ,— если онъ, благодаря Божію только человѣколюбію, и можетъ достигать вѣчнаго спасенія и проч., то ясно, безконечно ясно, что чувствами человѣка по отношенію къ Богу въ данномъ случаѣ могутъ быть только слѣдующія: всецѣлая благодарная любовь его къ Создателю, Промыслителю и Спасителю и безконечное смиреніе предъ неизреченнымъ величиемъ и несказаннымъ могуществомъ Божіимъ. Ни о какой гордости человѣка здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Сколько-нибудь горделивое самолюбіе человѣка въ настоящемъ случаѣ могло бы быть умѣстно лишь при условіи или безумія того или другого лица, или недостаточно правильнаго знанія послѣднимъ истиннаго положенія

¹⁾ Чит. обо всемъ этомъ въ любомъ опытѣ христ. Догматического Богословія...

вещей, или нехристіанского его настроенія. Въ приложеніи же къ нормальному христіанину здѣсь можно вести разговоръ только и только о смиреніи и никакъ не о гордости. Дѣло ясно, какъ Божій день. Затѣмъ смиреніе христіанина возрастаетъ въ еще большей степени, когда онъ начинаетъ строго анализировать свое нравственное поступаніе. При безпредвзятомъ разсмотрѣніи послѣдняго человѣкъ все болѣе и болѣе видить, до какой степени его внутреннее настроеніе и его выѣшнее поступаніе не соотвѣтствуютъ смыслу требованій божественного нравственного закона и до какой, следовательно, степени онъ является виновнымъ въ очахъ Божіихъ, безответнымъ предъ небеснымъ Судію, на Котораго онъ не смѣеть даже и взглянуть прямо и Котораго онъ дерзаетъ лишь смиленно умолять о милосердіи и снисхожденіи къ нему — величайшему грѣшнику. Таково мнѣніе о своемъ нравственномъ поступаніи каждого нелицемѣрного христіанина. И здѣсь если о чёмъ только и можно говорить, то лишь объ одномъ смиреніи и смиреній человѣка — *грѣшника*, какимъ въ дѣйствительности является рѣшительно всякий христіанинъ (о нехристіанахъ тѣмъ болѣе должно сказать, конечно, это-же)... Введенное въ должныя границы, — по отношенію къ Богу, впрочемъ, скорѣе—безграничное, смиреніе—единственно-истинный показатель нормальности опѣнки человѣкомъ себя, своихъ достоинствъ, своего внутренняго богатства... въ виду Высочайшаго Существа.

Въ виду всего сказанного становятся вполнѣ понятными многочисленныя, относящіяся къ данному вопросу, мѣста Священнаго Писанія, призывающія христіанъ къ смиренію и отмѣчающія значеніе послѣдняго, поскольку въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду настроеніе и поведеніе христіанина въ отношеніи его къ Богу.

Въ этихъ мѣстахъ читаемъ, что христіанинъ чувствуетъ себя всѣмъ обязаннымъ Богу: самого себя считаетъ *не способнымъ* даже и *помыслить что-либо отъ себя, какъ бы отъ себя*, но если и имѣеть въ данномъ случаѣ какую-либо *способность*, то она—*отъ Бога* (2 Коре. III, 5); *Богъ производить въ немъ и хотѣніе, и дѣйствіе по Своему благоволенію* (Филипп. II, 13); все, что христіанинъ *импеть*, онъ *получилъ отъ Бога, а если такъ, то онъ не можетъ и хвалиться, какъ будто не получилъ* (1 Кор. IV, 7) и т. д. Подобное настроеніе въ христіанинѣ, по слову Св. Писанія,

усиливается отъ сознанія имъ того, что *всѣ мы многое согрѣшаємъ* (Іак. III, 2) (ср. Римл. VII, 19 и мног. друг. мѣста) и что *если говоримъ, что не импѣемъ грѣха, то обманываемъ самихъ себя, и истины иѣть въ насъ* (1 Іоанн. I, 8) и т. п. При такихъ условіяхъ, съ точки зрѣнія Слова Божія, о гордости не можетъ быть и рѣчи, а можно и должно говорить только о смиреніи предъ Богомъ, тѣмъ болѣе, что Самъ Господь напѣ въ настоящемъ случаѣ подаетъ намъ примѣръ и словомъ Своимъ, и дѣломъ, являясь, слѣдовательно, Образцомъ для насть: *кто хочетъ между вами, говорилъ Онъ Своимъ апостоламъ, быть большимъ, да будетъ вамъ служью* (Мѳ. XX, 26), *и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ* (—27)...; *научитесь отъ Меня*, — говорить Господь *труждающимся и обремененнымъ, — ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ...* (Мате. XI, 29. 28)... Насколько будетъ пріятна участъ смиренныхъ, настолько же неутѣшительна будетъ судьба гордыихъ: *всѣ, читаемъ въ Св. Писаніи, облекитесь смиренномудріемъ*, потому что Богъ гордымъ *противится, а смиреннымъ даетъ благодать* (1 Петр. V, 5); *смиритесь подъ крѣпкую руку Божію, да вознесетъ васъ въ свое время* (—6); *всякий, возвышающій самъ себя, унженъ будетъ, а унижающій себя возвысится* (Лук. XVIII, 14) и пр. (ср. Мате. XVIII, 4)....

Не приводя другихъ многочисленныхъ мѣстъ изъ Слова Божія (такъ какъ въ такомъ ихъ приведеніи болѣе нѣтъ сущес-
твенной надобности), мы можемъ сдѣлать заключеніе, что, и въ силу тѣхъ или другихъ соображеній христіанина, какъ такого, и въ силу вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ библейскихъ мѣстъ и выраженій, смиреніе человѣка-христіанина предъ Богомъ, Его величіемъ, Его благодѣяніями по отношенію къ человѣку, этому немощному и грѣшному существу..., вполнѣ въ хри-
стіанствѣ понятно. Съ христіанской точки зрѣнія было бы рѣшительно и единственно непонятно,—какъ не оправдывае-
мое никакими, сколько-нибудь резонными, данными,—только
иное, по сравненію съ этимъ, настроеніе человѣка, то на-
строеніе, съ какимъ мы встрѣчаемся у язычниковъ и вообще
не - христіанъ, гдѣ оно, напротивъ, весьма понятно, гдѣ,—
лучше сказать,—непонятно настроеніе христіанское.

IV. Что послѣднее обстоятельство не подлежить сомнѣ-
нію, пояснимъ его путемъ отѣненія нѣкоторыхъ характер-

ныхъ въ данномъ случаѣ черты и особенностей наиболѣе известныхъ языческихъ религій. Эти черты и особенности покажутъ намъ, что понимамое въ христіанскомъ смыслѣ смиреніе не имѣло для себя надлежащей почвы въ религіозныхъ языческихъ міросозерцаніяхъ.

Мы обратимъ вниманіе на міросозерцанія языческихъ религій: китайской, индійской, египетской, персидской и греческой.

Китайцу чуждо было «представленіе» о Божествѣ, какъ Существѣ безконечно возвышенномъ надъ міромъ и человѣкомъ, какъ Существѣ духовномъ, «личномъ», Творцѣ міра и «Промыслителѣ» о немъ. «Небо и земля» — объекты, на которые простирается религіозное почитаніе у китайцевъ, имѣютъ «чувственный» характеръ... Съ другой стороны, человѣкъ, по китайскому воззрѣнію, на столько высокъ по существу, что онъ «стоитъ рядомъ съ небомъ и землей, подлѣ нихъ, а не подъ ними. Онъ владѣеть даже такими преимуществами, которыхъ у Божества нѣть: именно «сознаніемъ и волей». Впрочемъ, это не значитъ того, что человѣку, по китайскому учению, будто бы присуща такъ называемая нравственная «свобода». А если такъ, то какъ же смотрѣть на «грѣхъ» и на вмѣняемость его человѣку? Съ одной стороны, китаецъ склоненъ полагать, что все, «что человѣкъ дѣлаетъ, это дѣлаетъ само божество», которое, слѣдовательно, и отвѣтственно въ концѣ концовъ за его — человѣка — нравственное поступаніе. А съ другой, китаецъ вообще отказывается дать сколько-нибудь существенное «объясненіе» происхожденія грѣха и его сущности, ограничиваясь лишь однимъ констатированіемъ факта. Во всякомъ случаѣ о такъ называемомъ «первородномъ грѣхѣ» онъ не знаетъ, равно какъ, --- замѣтимъ мимоходомъ, — и о «сверхъестественномъ откровеніи»...¹⁾ Уже изъ этихъ немногихъ чертъ, характеризующихъ религіозно-нравственный обликъ китайца, видно, насколько чуждо ему

¹⁾ „Исторія нравственности и нравственныхъ учений“ — проф. М. А. Олесницкаго. Ч. 2. Кіевъ. 1886 г. Стр. 6. 7. 8. 10. 11. 13. 18. Чит.: Вебера „Истор. Востока“... Москва. 1885 г.; еп. Хрисанѳа „Религіи древн. міра въ ихъ отношеніи къ христіанству“. Спб. 1873 г. т. I.. и друг., существующія на русск. яз., сочиненія (см. на нихъ указан., напр., въ „Библіографическомъ указателѣ книгъ и статей на русск. яз. по исторіи религій“ — С. Н. Трубецкого. 1899 г. Москва). Изъ иностранныхъ можно рекомендовать общезавѣстный трудъ Wuttke и друг.

христіанське ученіе о смиренномудрії чолов'ка въ виду Бога. Какая рѣчъ объ этомъ смиреніи можетъ быть тамъ, гдѣ чолов'къ въ ізвѣстномъ смыслѣ не уступаетъ Божеству, гдѣ Божество—не творецъ міра и не «промыслитель» о послѣднемъ, гдѣ чолов'къ, какъ не свободное — нравственно существо, не отвѣчаетъ, строго говоря, за свои проступки, гдѣ самий «грѣхъ» — явленіе непонятное и проч. и проч.? Предъ кѣмъ чолов'ку смиряться и зачѣмъ, по какимъ побужденіямъ, съ какими дѣлами?!

Въ «пантеистическомъ» міровоззрѣнніи индійцевъ, не знающихъ «личнаго» Бога, производящихъ міръ чрезъ «истеченіе» изъ Божества, «чолов'къ» является «только однимъ изъ моментовъ въ саморазвитіи Брамы» и—«какъ субъектъ нравственной жизни—не имѣть самостоятельного значенія». Да и какъ можно было бы говорить о послѣднемъ тамъ, гдѣ нравственная «свобода» чолов'ка не признается, гдѣ чолов'къ «сознаетъ себя страдающимъ не по своей винѣ, а по винѣ Брамы, произведшаго изъ себя сей міръ грѣха», гдѣ люди считаютъ себя «свободными отъ грѣха и вины», гдѣ «причина зла—божество», гдѣ, слѣдовательно, « зло теряетъ свое нравственное значеніе»?..¹⁾ При подобномъ представлениіи дѣла опять—таки будетъ совершенно непонятно христіанское ученіе о смиреніи предъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно чолов'ку смиряться предъ «безличною жизненною силою»²⁾—источникомъ «зла» и «грѣха»,—чолов'ку, не чувствующему себя отвѣтственнымъ предъ какимъ бы то ни было судьею за свое нравственное поведеніе, какъ не регулируемое его свободою, потому что послѣдней у него нѣть... Да, здѣсь вѣть совсѣмъ инымъ, а не христіанскимъ духомъ, и что имѣть смыслъ съ точки зрењня послѣдняго, то не можетъ быть допущено и оправдано съ точки зрењня первого. Развѣ можно сопоставлять другъ съ другомъ «свободного отъ грѣха и вины» (см. выше) чолов'ка и чолов'ка, сознающаго, смиренno именно сознающаго, что каждый его поступокъ, каждая его мысль, каждое его намѣреніе такъ или иначе, въ той или иной степени проникнуты грѣховнымъ началомъ?!

Въ отмѣченной «политеистическимъ» характеромъ религії

¹⁾ Сит. оп. проф. М. А. Олесницкаго: стр. 83. 84. 85. 86. 87. 89. Чит. также у еп. Хрисанфа (цит. т.), у Вебера и друг.

²⁾ У проф. М. А. Олесницкаго стр. 84.

египтянъ между богами можно указать извѣстную разницу въ отношеніи къ степени достоинства и важности каждого изъ нихъ. При этомъ, что касается «низшихъ» сравнительно изъ нихъ, то съ ними человѣкъ «однороденъ», и «душа человѣческая тождественна съ божествомъ»¹⁾). Ученіе о такой однородности человѣка съ богами, конечно, совсѣмъ плохая почва для развитія и укрѣпленія въ первомъ чувствъ и настроенія, сколько-нибудь аналогичныхъ съ христіанскимъ смиренномудріемъ предъ Высочайшимъ Существомъ. — Даѣше, призываю человѣка къ отвѣтственности за свое нравственное поведеніе, египетская религія, однако, не надѣлила его предварительно нравственною «свободою». А при отсутствіи послѣдней у человѣка, можно ли требовать отъ него отчета въ его проступкахъ? Египетская религія не говоритъ ничего «о случайному происхожденіи зла по винѣ человѣка»; въ данномъ случаѣ «вина перенесена на Божество»²⁾... Такимъ образомъ и съ этой стороны для человѣка не оказывается ни основаній, ни побужденій смиряться предъ Божествомъ и т. д.

У персовъ не видимъ ученія о Божествѣ, какъ Существѣ бевконечно возвышенномъ надъ человѣкомъ. Здѣсь видимъ скорѣе иное представленіе дѣла. Ормуздъ перса не есть Существо всесцѣло духовное; онъ — „тѣло (хотя свѣтоносное, прекрасное)». А о чёмъ свидѣтельствуетъ «обоготвореніе животныхъ»? О томъ, конечно, что персы не могъ возвыситься до понятія о Божествѣ, какъ Существѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ матеріею. Кроме того, Ормуздъ испытываетъ нѣкоторое «ограниченіе» со стороны Аримана — враждебнаго ему начала и отсюда неограниченнымъ не можетъ быть названъ. Если тѣлесность Ормузда сближаетъ его съ человѣкомъ, то сближающимъ же въ данномъ случаѣ моментомъ является и «ограниченность» Ариманова. При наличии послѣдней слѣдуетъ допустить и то, что Ариманъ не обладаетъ и «полною», совершенной «свободою»... Неудивительно въ виду всего этого, если по персидской религіи «человѣкъ» считается не только «свободнымъ существомъ», но «и самостоятельнымъ въ относительномъ смыслѣ соработникомъ Божества». Кроме того, Божество же здѣсь является и отвѣт-

¹⁾ Ibid. 194. 199.

²⁾ Ibid. 199. 201. Ср. у еп. Хрисанеа (т. II), Вебера (т. I) и у друг. (ср. въ указаніи Трубецкого).

ственнымъ за грѣхъ, «значеніе» котораго такимъ образомъ обезцѣняется и отвѣтственность за него человѣка «ослабляется» въ значительной степени и проч.¹⁾. Всѣ эти стороны дѣла ясно свидѣтельствуютъ, что и персу чуждо было чувство смиренія (подобного христіанскому) предъ Божествомъ, которое здѣсь (у перса), — мы видѣли, — и чувствено, и повинно въ происхожденіи грѣха, зла..., и недостаточно свободно, между тѣмъ какъ человѣкъ обладаетъ нѣкоторыми значительными достоинствами...

Разстояніе, отдѣлявшее боговъ и человѣка въ греческой религіи, почти совсѣмъ уничтожено. Человѣкъ могъ подняться до степени «полубога». Многіе «герои» дѣйствительно и были отнесены греческой миѳологіей къ сонму «полубоговъ». Съ другой стороны, здѣсь «въ такой же степени боги низводились до степени людей и дѣлались людьми». «Герои» въ своихъ отношеніяхъ къ богамъ позволяли себѣ тонъ «фамиліарный», тѣмъ болѣе, что многіе изъ первыхъ вели свое происхожденіе отъ послѣднихъ. Слѣдовательно, между тѣми и другими существовало въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже кровное родство. Дѣторожденіе — удѣль не только людей, но и боговъ. Человѣческія страсти и пороки были страстями и пороками и боговъ. Зависть, ненависть, ревность, хитрость и лукавство, прелюбодѣяніе и проч. и проч. присущи не только людямъ, но и богамъ. Боги не могли гордиться даже и особыеннымъ своимъ могуществомъ, такъ какъ самъ Зевсъ стоялъ въ зависимости отъ судьбы²⁾... Развѣ можно говорить здѣсь о смиреніи, какъ элементъ проникающемъ собою поведеніе человѣка въ виду боговъ? Конечно, нельзя, колѣ скоро здѣсь имѣемъ дѣло съ характеризуемымъ указанными чертами «антропотеизмомъ», «антропоморфизмомъ», «антропопатизмомъ»³⁾), — нельзя, — само собою понятно, — даже въ большей степени, чѣмъ у другихъ языческихъ народовъ, выше упоминавшихся у насъ.

О другихъ языческихъ религіозныхъ міровоззрѣніяхъ въ настоящемъ случаѣ не видимъ надобности говорить.

¹⁾ М. А. Олесниц. 247. 261. 262. 263. Ср. у еп. Хрисанеа, Вебера и друг. (см. указат. Трубецкого).

²⁾ „Апологетика. Научное оправданіе христіанства“ — Эбарда (т. II. Спб. 1880 г., стр. 106. 107). См. особенно соч. Дютшке — „Олимпъ. Миѳология древнихъ грековъ и римлянъ“ (Спб. 1892 г.). См. и мног. другие сочинен.

³⁾ Чит. *ibid.* и у другихъ.

Даже смиреніе предъ Богомъ, проявлявшееся ветхозавѣтнымъ евреемъ, не совпадало всесцѣло съ христіанскимъ смиренномудріемъ. Хотя знанія ветхозавѣтнаго еврея о Богѣ, какъ полученные имъ изъ сверхъестественнаго откровенія, были и правильны, но они не были настолько полны и всесторонни (въ возможномъ для человѣка смыслѣ), какъ знанія о томъ же, присущія христіанину. Ветхозавѣтному еврею Богъ представлялся преимущественно какъ грозный Судія, наказывающій грѣшниковъ за ихъ проступки. А каждый человѣкъ былъ грѣшникомъ, и никто не могъ надѣяться своими силами достигнуть спасенія. Каждый, поэтому, ожидалъ себѣ только грознаго приговора. Правда, мессіанскія обѣтованія и пророчества должны были нѣсколько утѣшать духъ ветхозавѣтнаго еврея, но лишь до извѣстной степени, такъ какъ осуществленіе ихъ еще предстояло только въ будущемъ... А пока всѣ, даже и праведники, по смерти сходили въ шеоль... Отсюда смиреніе ветхозавѣтнаго еврея носило признаки какой-то угнетенности, придавленности, чрезмѣрной боязливости. Не то видимъ въ христіанинѣ. Онъ уже не *чадо иппа Божія*, чѣмъ былъ ветхозавѣтный еврей. Самъ Богъ — Слово воплотившись ради нашего спасенія, сдѣлалъ насъ *чадами Божіими* (1 Іоанн. III, 1, 2). Вкушая тѣла и крови Христовыхъ, мы весьма тѣсно соединяемся съ нашимъ Господомъ. Получая свыше божественную благодать Св. Духа, мы приобрѣтаемъ возможность и силу исполнять требованія божественного нравственнаго закона... Здѣсь уже нѣть мѣста тому, отмѣченому моментомъ угнетенности..., смиренію, какое обнаруживалъ въ отнoshеніи къ Богу ветхозавѣтный еврей. Здѣсь, напротивъ, имѣемъ дѣло со смиреніемъ сына предъ своимъ Отцомъ: хотя сынъ и сознаетъ всю пропасть, отдѣляющую его отъ Бога, чадомъ Котораго онъ отнынѣ сдѣлался, благодаря искупительнымъ заслугамъ Христовымъ,—хотя онъ, вслѣдствіе этого, и проникнуть безконечнымъ смиреніемъ предъ Небеснымъ Отцомъ, тѣмъ не менѣе, онъ каждое мгновеніе сознаетъ ту безпредѣльную любовь, какую проявилъ Богъ къ нему—человѣку и отсюда иными уже глазами взираеть на Владыку вселенной, нежели какими взиралъ ветхозавѣтный еврей; хотя и тотъ, и другой взирали и взираются на Бога очами смиренія, но у одного—смиреніе раба, ежеминутно боящагося наказанія за неисполненную имъ работу, а у другого—смиреніе сына, для которого важнѣйшимъ въ настоя-

щемъ случай моментомъ является не мысль о наказаніи за грѣхи, а страхъ предъ возможностью заслужить нерасположеніе Отца, боязнь, какъ бы не оказаться къ Нему неблагодарнымъ за все то, что Богъ для него сдѣлалъ и проч. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемся со смиреніемъ, но далеко не одинаковымъ.

V. Только христіанину, далѣе, присуще надлежащее знаніе самого себя,—только христіанинъ можетъ выполнить то, къ чему такъ стремился еще Сократъ, слѣдя изреченію дельфійскаго оракула: «γνῶθι σεαυτόν»=«познай самого себя»=«posce te ipsum». Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ познать самого себя? Это значитъ «имѣть знаніе о своемъ происхожденіи, о своемъ состояніи и своемъ назначеніи»¹⁾. И христіанинъ имѣеть такое знаніе.

Въ книжѣ Бытія разсказано о «происхожденіи» человѣка вполнѣ ясно и опредѣленно. Отсюда вѣрующій христіанинъ узнаетъ, что природа всѣхъ людей тождественна, что сначала былъ созданъ Богомъ Адамъ, при чёмъ тѣло его было сотворено изъ земного праха, а душа его являлась дыханіемъ жизни, вдунутымъ въ лицѣ ею Создателемъ (Быт. II, 7),—что затѣмъ Богъ соблаговолилъ сотворить Адаму помощника, соотвѣтственнааго ему (Быт. II, 18), для чего навелъ на него крѣпкій сонъ и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ ребръ ею, и закрылъ то място плотю (—21). Когда жена была приведена Богомъ къ Адаму (—22), послѣдній, взглянувъ на нее, тотчасъ понялъ, что она — кость отъ костей его и плоть отъ плоти его, что она, поэтому, какъ взята отъ мужа, будетъ называться женой (—23). Потому, продолжаетъ бытописатель, оставитъ человѣкъ отца своею и мать свою, и прилепится къ женѣ своей; и будутъ одна плоть (—24...²⁾). Отъ этой первозданной четы, затѣмъ, и произошелъ, по библейскому повѣствованію, весь человѣческій родъ (чит., кромѣ кн. Бытія, и друг., также Дѣян. Апост. XVII, 26). Таково «происхожденіе» человѣка, созданного

¹⁾ Bittner: „Lehrbuch der katholischen Moraltheologie“ (Regensburg, 1855), S. 247; Anmerk. 5.

²⁾ См. нашу статью: „Сущность христіанского ученія юбъ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ“ („Христ. Чтен.“ 1897 г., ноябрь, стр. 238—239 и друг.). Чит., между проч., также брошюру проф. А. Бѣляева: „Значеніе повѣствованія богоизбѣща и пророка Моисея о сотвореніи человѣка“ (Москва. 1882 г.). Чит. и мног. друг. статьи и книги.

Творцомъ по образу и подобію Божію (Быт. I, 27. V, 1). Его тѣло, обладавшее крѣпостью (I. Сир. XVII, 3), не знавшее болѣзней (ср. Быт. III, 16), затѣмъ могло стать безсмертнымъ по «божественной благодати, орудіемъ которой было древо жизни» (ср. Быт. III, 22)¹⁾. А древо познанія добра и зла служило для первозданного человѣка орудіемъ смерти (Быт. II, 7). Еслибы прародители не соблазнились обольщеніями змія и не вкусили отъ послѣдняго дерева (Быт. II, 17), то они, безъ сомнѣнія, не умерли бы тѣлесно. Что же касается ихъ души, то она, въ силу ея происхожденія, бессмертна, и сдѣлать ее иною люди не могли. Умъ первозданного человѣка былъ ясень и свѣтель и проявился, какъ та-ковой, въ фактѣ нареченія Адамомъ именъ *всімъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всімъ звѣрямъ полевымъ* (Быт. II, 20). Одаренный такими качествами, первозданный человѣкъ долженъ былъ развиваться и совершенствоваться и духовно, и физически. Его душа была предназначена Богомъ къ бесконечному развитію и совершенствованію, равно какъ, конечно, и тѣло. Его жизнь была бы нормальна, въ частности,—его назначеніе выполнялось бы имъ, еслибы онъ, съ одной стороны, Богу платилъ глубочайшей благодарностью за полученное отъ Него бытіе и прочія блага, бесконечною къ Нему за все это и подобное любовію, всецѣлымъ исполненіемъ Его воли...,—съ другой стороны, любилъ свою жену, а затѣмъ и всѣхъ, имѣвшихъ произойти отъ него и происшедшихъ затѣмъ (по изгнаніи его изъ райскаго жилища) дѣтей и проч. Вместо такого поведенія человѣкъ зарекомендовалъ себя поведеніемъ совсѣмъ иного рода: сталъ «ослушникомъ воли Создателя», проявилъ къ Нему крайнюю неблагодарность, попралъ въ отношеніи къ Творцу всякую «справедливость» и пр. и все это совершилъ, движимый грубымъ эгоистическимъ чувствомъ. Тотъ же эгоизмъ обнаружилъ первый человѣкъ и въ отношеніи къ своей женѣ, назвавъ послѣднюю своей «соблазнительницей»; а эта, въ свою очередь, вмѣсто того, чтобы чистосердечно покаяться предъ Господомъ, эгоистично сослалась на змія... Вместо того, чтобы «по боже-

¹⁾ См. нашу статью: „О пасхальномъ огласительномъ словѣ св. И. Златоуста“ („Христ. Чтен.“ 1897 г., октябрь, стр. 412). См. тамъ и цитату изъ „Руков. къ изуч. правосл.-догмат. богослов.“ м. Макарія (Москва 1888 г.; стр. 108).

ственному примѣру (какъ образъ Божій) проявлять свое влаждычествование надъ подчиненнымъ ему міромъ, не покоряясь ему, изъ положенія господина не переходя въ положеніе слуги», первый человѣкъ подпалъ господству того міра, вкушивъ, вопреки Божію повелѣнію, отъ запрещенного, соблазнительного видомъ, прельщавшаго своею красотою, плода. «Ясность ума его исчезла»: прародители пытались «скрыться отъ всевидящаго и вездѣсущаго Бога», пытались ложно оправдаться «предъ всевѣдущимъ Творцомъ»... По выслушаніи отъ Бога приговора, нераскаянная чета была изгнана изъ рая (Быт. III). ¹⁾ «Дальнѣйшая исторія ветхозавѣтнаго человѣчества» есть исторія дальнѣйшаго развитія эгоизма и чувственности, разъ заявившихъ о себѣ въ человѣкѣ. Отсюда «все человѣчество стало плотью» (Быт. VI, 3), помышляло «только о злы» (— 5). Такимъ осталось оно и «послѣ потопа», т. е., каждый человѣкъ «отъ юности» помышлялъ только также о злы (VIII, 21)... (сравн. Исал. L, 7; Исаіи I, 4—6; V, 20; Іов. XIV, 4...). Во власти человѣка не было ничего, благодаря чему онъ могъ бы хоть сколько нибудь существенно измѣниться къ лучшему. Никакія внѣшнія по отношенію къ внутреннему человѣческому святилищу средства не могли, конечно, произвести въ немъ такой перемѣны ²⁾). Все это сдѣлалъ только Господь нашъ Іисусъ Христосъ, во-человѣчившійся ради *нашего спасенія*, преподавшій намъ божественное ученіе, пострадавшій и умершій за наши грѣхи, воскресшій и вознесшійся на небо... Отнынѣ человѣкъ, спасенный отъ грѣха и его результатовъ—*проклятия и смерти*, возрожденный въ божественныхъ таинствахъ, получившій свыше божественную благодать, ставшій *новою тварью* (2 Кор. V, 17), *сыномъ Божиимъ* (Римл. VIII, 14—15), *храмомъ Божиимъ* (1 Кор. III, 16—17) и т. д. ³⁾), снова можетъ достигать своего конечнаго назначенія, съ какимъ онъ созданъ, снова можетъ небезрезультатно стремиться къ Богообщенію; какимъ онъ наслаждался въ блаженный райскій періодъ своей жизни, снова можетъ небезплодно стремиться къ Богоуподобленію (ср. Мате. V, 48)...

Такимъ образомъ христіанинъ, знающій о своемъ «про-

¹⁾ См. *туже нашу* статью: стр. 414—415.

²⁾ См. подробности *ibid.*, стр. 415—417.

³⁾ См. подробности *ibid.*, стр. 417 и слѣдующ.

исхожденії, состоянії, назначенії», ходить въ отношеніи къ вопросу о самопознанії при свѣтѣ яснаго дня. Все для него ясно, все понятно. Остается только каждому, просвѣщенному Христовыи сіяніемъ, человѣку разсмотрѣть, съ христіанской точки зрѣнія, самого себя, какъ индивидуальную личность, что, при соблюденіи извѣстнаго безпристрастія, уже не такъ трудно правильно настроенному субъекту.

Что же теперь слѣдуетъ изъ отмѣченаго обстоятельства, изъ того, что христіанинъ имѣеть истинное о себѣ самомъ знаніе? А то, что онъ, прежде всего, опять-таки смиренno сознаетъ свое ничтожество предъ Богомъ, его Создателемъ, его Благодѣтелемъ, наказавшимъ его затѣмъ, но послѣ и помиловавшимъ и милующимъ донынѣ. Развѣ можетъ быть рѣчь о чёмъ либо другомъ, кроме благодарнаго смиренія, тамъ, гдѣ человѣкъ, съ одной стороны, знаетъ себя, знаетъ всю свою исторію, знаетъ свое собственное ничтожество, знаетъ, что всѣми благами, какія—въ его распоряженіи, онъ обязанъ не себѣ..., а съ другой, знаетъ, что безконечнымъ его Благодѣтелемъ, Виновникомъ всѣхъ его благъ... является Господь, по противоположности ему, безначальный, вѣчный, безгрѣшный, вседовольный и пр.?! О какой либо гордости говорить здѣсь было бы для человѣка болѣе, чѣмъ безсмысленно. Это само собою ясно. Затѣмъ, прекрасно зная, что всѣ люди имѣютъ одного общаго родоначальника, что всѣ въ лицѣ его одинаково согрѣшили и одинаково заслужили отъ Бога наказаніе, что всѣ одинаково искуплены пречистою кровью Спасителя, что всѣхъ за гробомъ ждетъ нелицепріятный судъ праведнаго Судіи и пр., — христіанинъ и въ отношеніи къ близкимъ не видѣть рѣшительно никакихъ оснований гордиться. А сознавая за собой множество грѣховъ—и явныхъ, и тайныхъ, и совершенныхъ, и еще только заражающихся въ его помыслахъ..., грѣховъ, которые ему самому прекрасно извѣстны, съ одной стороны; а съ другой, не имѣя возможности замѣтить такой массы грѣховъ у близкихъ, хотя бы по тому одному, что ему извѣстными становятся обыкновенно лишь наружныя проявленія другихъ, — кромѣ того, сплошь и рядомъ видя, что другіе болѣе серьезно относятся къ требованіямъ нравственнаго закона, Божіихъ заповѣдей, чѣмъ онъ самъ..., — христіанинъ скорѣе всего видѣть на-лицо всѣ основанія для того, чтобы настраивать себя въ отношеніи къ своимъ близкимъ въ духѣ смиренія и только въ немъ. Гдѣ ужъ тутъ гордиться

предъ окружающими человѣку, который (а таковъ въ своемъ сознаніи каждый христіанинъ) чувствуетъ себя всецѣло проникнутымъ грѣховными наклонностями и стремлѣніями, всецѣло погрязшимъ въ зле и пороки и проч.?!. Здѣсь мѣсто только смиренію и смиренію. Такова христіанская точка зрѣнія (ср., напр., Мате. XX, 26. 27; Римл. XII, 16; Колосс. III, 12. 13...). При ней христіанинъ [слѣдуя примѣру Самаго Господа своего, Который *не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ* (Мате. XX, 28)..., Который, будучи образомъ Божіемъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но, не смотря на это, *уничижилъ Себя Самою, принялъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, и по виду ставъ, какъ человѣкъ, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной...* (Филипп. II, 6—8)] ничего не дѣлаетъ по тщеславію, но по смиренномудрію почитаетъ одинъ другою высшимъ себѧ... (— 3). Коротко сказавъ: если безграницное смиреніе, какъ мы видѣли, проникаетъ собою все поведеніе человѣка въ отношеніи къ Богу, то смиреніе же [по мнѣнію нѣкоторыхъ (см., напр., цитов. статью: «Demuth» у Herzog'a въ Bd. III), впрочемъ, въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку можетъ быть рѣчь не о смиреніи, а о «скромности»; но дѣло не въ словахъ и не въ названіяхъ, а въ самомъ его существѣ] характеризуетъ его отношенія и къ людямъ¹⁾.

А. Бронзовъ.

¹⁾ Окончаніе будѣтъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки